

Анатолий РЕМНЕВ

**ВДВИНУТЬ РОССИЮ В СИБИРЬ.
ИМПЕРИЯ И РУССКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА**

Выступая 31 марта 1908 г. в Государственной думе по поводу строительства Амурской железной дороги, глава правительства П. А. Столыпин подчеркнул, что она должна быть построена русскими людьми, которые не только проложат эту дорогу и поселятся вдоль нее, они выполняют гораздо большее – «они вдвинутся в край и вдвинут вместе с тем туда и Россию».¹

Расширение империи на восток не ограничивалось только военно-политической экспансией, это был и сложный процесс превращения Сибири и Дальнего Востока в Россию. С установлением новых государственных границ имперская политика переходила в длительную фазу интеграции новых территорий и народов в единое политическое и социокультурное пространство. Это было не только военное закрепление за Российской империей новых территорий и народов восточнее Урала, крестьянское переселение и хозяйственное освоение сибирских земель, но и осмысление Сибири как земли русской. П. Н. Милюков в этой связи замечал: «Последний продукт колонизационного усилия России – ее первая колония – Сибирь стоит на границе того и другого».² Империя как бы выростала из исторического процесса «собираения русских земель» и, как писал поэт Велимир Хлебников, «Вслед за отходом татарских тревог – это Русь пошла на восток».³

Основным отличием Российской империи от западных мировых держав считалось то, что она представляет собой цельный территориальный монолит.

¹ П. А. Столыпин. Нам нужна Великая Россия... / Полн. Собр. речей в Государственной думе и Государственном совете. 1906 – 1911 гг. Москва, 1991. С. 127.

² П. Н. Милюков. Очерки по истории русской культуры. Москва, 1993. Т. 1. С. 488.

³ В. Хлебников // Страна без границ. Тюмень, 1998. Кн. II. С. 6.

Поэтому, как заметил Д. Ливен, “русскому колонисту было затруднительно ответить на вопрос, где собственно, заканчивается Россия и начинается империя?”⁴. Для англичанина ответ на этот вопрос был очевиден, как только он сядил на корабль и отплыл от берегов Туманного Альбиона. Тема расширяющегося “фронттира” на нерусской окраине, помимо военных действий и организации управления, включала “конструктивные” аспекты российской колонизации: “Рождение новой социальной идентичности, этнических отношений, новых ландшафтов, регионального хозяйства и материальной культуры”.⁵ В этом заключалась не только географическая предопределенность отличия континентальной империи от заокеанских колоний европейских держав.

В российской имперской политике господствовал стереотип, что только та земля может считаться истинно русской, где прошел плуг русского пахаря. Крестьянская колонизация становилась важным компонентом имперской политики, а крестьянин – эффективным ее проводником. С XIX в. крестьянское и казацкое переселение на свободные земли почти целиком попадает под контроль государства, которое стремится подчинить его задачам имперского закрепления новых территорий. Главной движущей силой колонизации становится уже не “природная стихия” крестьянских побегов от государства, а само государство, которое направляет народные потоки, создает для русских переселенцев защитно-оградительную инфраструктуру, законодательно стимулирует и регулирует размещение русских населенных пунктов.⁶ Крестьянская колонизация сознательно воспринимается как необходимое дополнение военной экспансии. “Вслед за военным занятием страны, – отмечал известный публицист Ф. М. Уманец, – должно идти занятие культурно-этнографическое. Русская соха и борона должны обязательно следовать за русскими знаменами и точно также как горы Кавказа и пески Средней Азии не останавливали русского солдата, они не должны останавливать русского переселенца.”⁷ Реализацию исторической миссии России – продвижение на восток – должна была, согласно Уманцу, происходить в равной мере посредством меча и орала.

Таким образом, важнейшую роль в строительстве империи должны были сыграть не столько военные и чиновники, сколько мирные крестьяне-переселенцы. Существовала своего рода народная санкция имперской экспансии, которая оправдывалась приращением пахотной земли с последующим заселени-

⁴ Д. Ливен. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. Москва, 1999. С. 299.

⁵ Т. М. Барретт. Линии неопределенности: северокавказский “фронтир” России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология. Самара, 2000. С. 168.

⁶ И. Ерофеева. Славянское население Восточного Казахстана в XVIII – XX вв.: миграционное движение, стадии социокультурной эволюции, проблемы реэмиграции // Этнический национализм и государственное строительство. Москва, 2001. С. 333.

⁷ Ф. М. Уманец. Колонизация свободных земель России. СПб., 1884. С. 33.

ем ее русскими.⁸ Даже ссылка в Сибирь рассматривалась как “внутренняя колонизация”, в отличие от западной принудительной эмиграции из метрополии в колонии.⁹ Не случайно даже каторжане Сахалина с гордостью заявляли: “Нерадостная судьба наша заставляет позабыть свою родину, свое происхождение и поселиться на краю света, среди непроходимых лесов. Бог помог нам. В короткое время построили дома, очистили долину под поля и луга, развели скот, воздвигли храм, и, вы сами теперь видите, здесь Русью пахнет.”¹⁰

Экстенсивный характер крестьянского земледелия как бы подталкивал власть к расширению земельной площади, в том числе и к созданию земельных запасов впрок, для будущих поколений. П. А. Кропоткин вспоминал, как во время экспедиции 1864 г. в верховья Амура заблестели глаза у казака, увидевшего, насколько хороши здесь земли: “Тогда мне стало ясно, что рано или поздно, при поддержке русского правительства или без нее, оба берега Амура, покуда пустынные, но удобные для колонистов, заселятся русскими”.¹¹ “Необходимо помнить, – писал уже в 1900 г. военный министр А. Н. Куропаткин, – что в 2000 году население России достигнет почти 400 мил. Надо уже теперь начать готовить свободные земли в Сибири, по крайней мере, для четвертой части этой цифры”.¹² Влиятельный в правительственных сферах экономист профессор П. П. Мигулин на страницах газеты “Русь” пытался в начале XX в. описать имперское расширение на Дальнем Востоке в категориях “национального интереса”:

Народ наш, обладающий страстной жаждой к земле, отлично поймет значение захвата таких областей, как Монголия и Манчжурия, с их обширными и плодородными равнинами, пригодными и для земледелия, и для скотоводства. Но он поймет и значение открытого моря и важность короткого общения (торгового и политического) с восточными народами, живущими в ином, чем мы, климате и производящими предметы нашего широкого потребления (чай, хлопок, пряности, фрукты), без которых мы не можем обойтись... Поймет наш народ отлично также важность умножения наших золотоносных, железных, нефтяных, медных, каменноугольных и других месторождений, которыми столь обильны спорные области, – поймет и пойдет на их разработку.¹³

⁸ И. Г. Яковенко. Российское государство: национальные интересы, границы, перспективы. Новосибирск, 1999. С. 103. Постановку вопроса о связи строительства империи с русской крестьянской колонизацией см.: С. В. Лурье. Историческая этнология. Москва, 1997. С. 161-169.

⁹ М. В. Шиловский. К вопросу о колониальном положении Сибири в составе русского государства // Европейские исследования в Сибири. Томск, 2001. С. 14.

¹⁰ И. П. Мироллобов (Ювачев). Восемь лет на Сахалине. СПб., 1901. С. 214.

¹¹ П. А. Кропоткин. Записки революционера. Москва, 1990. С. 189.

¹² А. Н. Куропаткин. Итоги войны. Отчет генерал-адъютанта Куропаткина. Т. 4. Варшава, 1906. С. 44.

¹³ Цит. по: П. Головачев. Россия на Дальнем Востоке. СПб., 1904. С. 57.

Еще в большей степени, нежели Франция, Россия была “обречена расплавляться за свою огромную территорию, за свой по-крестьянски ненасытный аппетит к приобретению все новых и новых земель”.¹⁴ Мания пространства долгие годы отождествлялась в народном сознании с политическим могуществом империи.

Современный исследователь Л. Е. Горизонтов видит в русском колониационном движении перспективу “двойного расширения” Российской империи путем внешнего ее территориального роста, который дополнялся параллельным разрастанием “имперского ядра” за счет примыкающих к нему окраин.¹⁵ Российский имперский проект предусматривал постепенное поглощение имперским ядром (прежде всего, в результате русской крестьянской колонизации) Сибири, Дальнего Востока, а также части Степного края. Это был сложный и длительный процесс, в котором сочетались тенденции империостроительства и нацистроительства, что должно было обеспечить империи большую стабильность и дать ей национальную перспективу. Как отмечает А. Рибер, Российская империя “уникальным, калейдоскопическим образом сочетала государственное строительство с колониальным правлением”, стремилась добиться культурной гармонии, идейной сплоченности и административно-правового единства государства.¹⁶

Со второй половины XIX в. движение русского населения на имперские окраины (как стихийное, так и регулируемое государством) начинает сознательно восприниматься и в правительстве, и в обществе как целенаправленное политическое конструирование империи. Это была своего рода сверхзадача, которая с 1860-х гг. формулируется как новый национальный курс на создание “единой и неделимой” России, с центральным государственным ядром, окруженным окраинами. Однако эти окраины со временем способны обрестись и слиться с сердцевинной империей, ее внутренними губерниями, населенными русскими.¹⁷ Отсутствие четких границ внутри государственного пространства Российской империи создавало условия для расширения этнического ареала расселения русских.

Сибирь и Дальний Восток включались в более широкий дискурс: “Европа – Россия – Азия”, частью которого было новое прочтение проблемы деления России на европейскую и азиатскую части – деления, которое было вызвано

¹⁴ Ф. Бродель. Что такое Франция? Кн. 1. Пространство и история. Москва, 1994. С. 272.

¹⁵ Л. Е. Горизонтов. “Большая русская нация” в имперской и региональной стратегии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Москва, 2001. С. 130.

¹⁶ А. Рибер. Устойчивые факторы российской внешней политики: попытка интерпретации // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Советский период. Самара, 2001. С. 119.

¹⁷ Е. Кэмпбелл. “Единая и неделимая Россия” и “инородческий вопрос” в имперской идеологии самодержавия // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. Москва, 2001. С. 206-207.

еще петровской вестернизацией, стремлением иметь в провозглашенной империи свою европейскую метрополию и свою азиатскую периферию.¹⁸ Однако национальный колониационный компонент имперской политики давал новые возможности не только для укрепления государственного единства, но и для создания общего цивилизационного пространства.

Сотрудник российского посольства в Китае Ф. Ф. Вигель писал в 1805 г., что, в отличие от британских заморских колоний, Сибирь, “как медведь”, сидит у России на привязи и пока ей не нужна. Однако в будущем, рассуждал он, Сибирь будет полезна России как огромный запас земли для быстро растущего русского населения, и по мере заселения Сибирь будет укорачиваться, а Россия расти.¹⁹ Н. И. Надеждин заметил также, как к “основному ядру” империи, где “география имеет чисто Русскую физиономию”, где расположена “коренная Русская земля”, присоединяются новые земли в Азии и Северной Америке. Это, по его словам, наш Новый Свет, который “деды наши открыли и стали колонизовать почти в то же время, как прочие Европейцы нашли новый путь к Азиатскому югу и открыли восток Америки”.²⁰ Историк Сибири и известный сибирский просветитель П. А. Словцов (1767-1843) рассматривал Сибирь как часть России, передвинувшейся за Урал.²¹

Востоковед В. П. Васильев в программной статье “Восток и Запад”, опубликованной в 1882 г. в первом номере газеты “Восточное обозрение”, призывал перестать смотреть на русских как на пришельцев в Сибирь, заявляя: “мы давно уже стали законными ее обладателями и туземцами”.²² П. П. Семенов-Тянь-Шанский писал об изменении этнографической границы между Европой и Азией путем ее смещения в результате колонизации все дальше на восток.²³ Историк М. К. Любавский в “Обзоре истории русской колонизации” определял прочность вхождения той или иной территории в состав Российского государства в соответствии с успехами русской колонизации, прежде всего, – крестьянской.²⁴ Именно русские переселенцы, отмечалось в официальном издании Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗиЗ), должны были духовно скрепить империю, являясь “живыми и убежденными проводниками

¹⁸ Ф. Б. Шенк. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. 2001. № 4. С. 14-15. См. также: А. В. Ремнев. Географические, административные и ментальные границы Сибири (XIX – начало XX в.). (В печати).

¹⁹ Записки Ф. Ф. Вигеля. Москва, 1892. Ч. II. С. 196-197.

²⁰ Н. И. Надеждин. Опыт исторической географии Русского мира // Библиотека для чтения. 1837. Т. 22. Ч. II. С. 39.

²¹ См.: В. Г. Мирзоев. Историография Сибири. Москва, 1970. С. 139.

²² В. П. Васильев. Восток и Запад // Восточное обозрение. 1882. 1 апр.

²³ П. П. Семенов. Значение России в колониационном движении европейских народов // Известия РГО. 1892. Т. XXVIII. Вып. IV. С. 354.

²⁴ М. К. Любавский. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. Москва, 1996. С. 539.

общей веры в целостность и неделимость нашего отечества от невских берегов до Памирских вершин, непроходимых хребтов Тянь-Шаня, пограничных извилин Амура и далекого побережья Тихого океана, где все, – в Азии, как и в Европе, одна наша русская земля, – одно великое и неотъемлемое достояние нашего народа”.²⁵ Колонии России – это ее окраины на Дальнем Востоке, в Средней Азии и на Кавказе. “Подобно тому, как наши южные степи, наша Новороссия, наша южная “украина” некогда представляли запас для русского населения, так теперь наступило время постепенно использовать с этой же целью наши восточные дальние окраины. Чем более населятся они русскою народною массою, тем крепче свяжутся эти страны ядром Русского государства”.²⁶

Н. Я. Данилевский утверждал, что направлявшиеся из центра страны колонизационные потоки, как правило, “образуют не новые центры русской жизни, а только расширяют единый, нераздельный круг ее”.²⁷ Таким образом, процесс русской колонизации можно было представить, по его мнению, растянутым во времени, поэтапным “расселением русского племени”, что не создавало колоний западноевропейского типа, а расширяло целостный континентальный массив русской государственной территории. В каждом географическом фрагменте Российского государства, считал Н. Я. Данилевский, появляется не “отдельная провинциальная особь” и не государственное “владение” как таковое, но “сама Россия”. Поэтому различия между центром и колонизируемыми окраинами виделись Данилевскому не политическими, а лишь обусловленными временем заселения и культурного освоения. Отстаивая идею целостности российского пространства, Н. Я. Данилевский, а вслед за ним и Г. В. Вернадский,²⁸ были склонны скорее преуменьшать имевшиеся различия, нежели их преувеличивать.

Д. И. Менделеев, в свою очередь, отмечал, что территориальный центр России и центр ее народонаселения далеко не совпадают, доказывая, что миграционные потоки со временем приведут к тому, что демографический центр России будет передвигаться с севера на юг и с запада на восток. Вместе с тем у Менделеева, сибиряка по происхождению, вызывало беспокойство то, что на карте Россия выглядит преимущественно азиатской. “Россия, по моему крайнему разумению, – писал он в 1906 г., – назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира...”²⁹ Деление на европейскую и азиатскую Россию Менделеев считал искусственным уже в силу

²⁵ Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. 1. С. 199.

²⁶ П. К. Значение Амурской железной дороги // Окраины России. 1908. № 17. (26 апр.). С. 250.

²⁷ Н. Я. Данилевский. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. Москва, 1991. С. 486.

²⁸ Г. В. Вернадский. Против солнца. Распространение русского государства к востоку // Русская мысль. 1914. № 1. С. 57-58.

²⁹ Д. И. Менделеев. К познанию России. Москва, 2002. С. 181-182.

единства русского народа (великороссов, малороссов и белорусов), распространившегося по евразийскому матерiku.

Военная наука, в рамках которой в основном и формируется российская геополитика, выделяла как один из важнейших имперских компонентов “политику населения”, предусматривавшую активное вмешательство государства в этнодемографические процессы, регулирование миграционных потоков, манипулирование этноконфессиональным составом населения на имперских окраинах для решения военно-мобилизационных задач. Прежде всего это было связано с насаждением русско-православного элемента на окраинах с неоднородным составом населения, или, как в случае с Приамурьем и Приморьем, на территориях, которым угрожала извне демографическая и экономическая экспансия. Внимание имперских политиков и идеологов устремлялось на географию “племенного состава” империи в условиях изменившегося характера войн, которые перестали быть династическими или колониальными, превратившись в национальные. Народы империи начали разделять по степени благонадежности, принцип имперской верноподданности этнических элит стремились дополнить более широким чувством национального долга и общероссийского патриотизма. Считалось необходимым разредить население национальных окраин “русским элементом”, минимизировать с помощью превентивных мер инонациональную угрозу как внутри, так и вне империи.

Империя направляет на свои восточные окраины русских переселенцев, которые сознают себя там передовым форпостом России, что усиливает их национальную идентичность. Русские крестьяне здесь сильнее, нежели в центре страны, отождествляют себя с Русским государством, которое их защищает и которое они также призваны защитить.

Бывший военный министр А. Н. Куропаткин призывал оценивать успешность интеграционных процессов на востоке империи с точки зрения заселения “русским племенем”, разделив территорию восточнее Волги на четыре района: 1) восемь губерний восточной и юго-восточной части Европейской России; 2) Тобольская, Томская и Енисейская губернии; 3) остальная часть Сибири и российский Дальний Восток; 4) Степной край и Туркестан. Если первые два района, по его мнению, могут быть признаны “краем великорусским и православным”, то в третьем районе, который тоже уже стал русским, процесс русификации еще не завершился, и усиливающаяся миграция китайцев и корейцев в Амурской и Приморской областях представляет для него серьезную угрозу. Еще более опасной ему виделась ситуация в четвертом районе. Поэтому, заключал Куропаткин, “русскому племени” предстоит в XX столетии огромная работа по заселению Сибири (особенно восточных ее местностей) и по увеличению в возможно большей степени русского населения в степных и среднеазиатских владениях.³⁰

³⁰ А. Н. Куропаткин. Русско-китайский вопрос. СПб., 1913. С. 55-75.

Территория за Уралом виделась уже не просто земельным запасом или стратегическим тылом, благодаря которому Россия, бесконечно продолжаясь на восток, становится несокрушимой для любого врага с запада. Бывший декабрист Д. И. Завалишин отмечал в 1864 г., что всякий раз, когда Россия волею или неволею обращалась к национальной политике, она принималась думать о Сибири.³¹ Поэтому, подчеркивал он, так важно, чтобы зауральские земли были не просто освоены экономически, но и заселены по возможности однородным и единоверным с Россией населением.

Н. Н. Муравьев-Амурский в середине XIX в. продолжал действовать на Дальнем Востоке в рамках прежней российской колонизационной стратегии, призванной демографически закрепить за империей новые территории, создать военно-административные опорные пункты, устроить коммуникации и военно-хозяйственные казачьи линии. Но в его мотивации необходимости скорейшего заселения приамурских земель появляются уже новые национальные мотивы. Ботаник Г. И. Радде вспоминал, что в Муравьеве-Амурском “горело желание насадить в необозримых пустынях семя русской культуры”.³² Единство русского государственного ядра и вновь заселяемых имперских окраин достигалось прежде всего тем, писал в середине XIX в. кяхтинский градоначальник Н. Р. Ребиндер, “что Сибиряки сохранили во всей чистоте первобытный Русский тип и Русские начала. Это служит лучшим залогом единства Русских по сю и по ту сторону Урала.”³³ Отправляя на Амур новых переселенцев, Муравьев напутствовал их: “С богом, детушки. Вы теперь свободны. Обрабатывайте землю, сделайте ее русским краем...”³⁴

Архиепископ Камчатский, Курильский и Алеутский Иннокентий настаивал в 1856 г. на необходимости, “как в первые времена заселена была Сибирь”, переселить в Приамурский край выходцев из Европейской России, разместить их по почтовому тракту, сознавая при этом, что без насильственных мер не обойтись. Он специально разъяснял важность русского культурного продвижения: “Эти переселенцы, придя в Сибирь, принесли с собою все свои, общие всем, обычаи, свои познания, свои порядки и свое трудолюбие; для них переменялось почти одно только место, – а общество, т.е. их соседи, те же, что и были в России.”³⁵ Определяя главную цель присоединения к России обширно-

³¹ Д. И. Завалишин. Письма о Сибири // Московские ведомости. 1864. 24 окт.

³² Г. И. Радде. Автобиография // Граф Н. Н. Муравьев-Амурский в воспоминаниях современников. Новосибирск, 1998. С. 171.

³³ Н. Р. Ребиндер – вел. кн. Константину Николаевичу (1855 г.) // Российский государственный архив Военно-морского флота. Ф. 410. Оп. 2. Д. 1016. Лл. 11-12; Ф. 224. Оп. 1. Д. 236. Лл. 161-162. См. также: M. Bassin. Inventing Siberia: Visions of the Russian East in the Early Nineteenth Century // The American Historical Review. 1991. Vol. 96. No. 3. Pp. 763-794.

³⁴ П. А. Кропоткин. Записки революционера. Москва, 1990. С. 173.

³⁵ И. П. Барсуков. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. По его сочинениям, письмам и рассказам современников. Москва, 1883. С. 383.

го и почти пустынного Амурского края, Иннокентий отмечал, что она заключается прежде всего в том, “чтобы благовременно и без столкновений с другими державами приготовить несколько мест для заселения русских, когда для них тесно будет в России”.³⁶

Однако колонизационные планы Муравьева-Амурского не нашли должной поддержки в Петербурге. Помимо нежелания помещиков лишиться дешевого крестьянского труда, существовали и сдерживающие политические факторы. Украинцы и белорусы были нужны на западе империи для усиления там “русского начала”, что особенно стало ясно после польского восстания 1863 г. Самодержавие было вынуждено даже приостановить действие в Северо-Западном крае циркуляра министра внутренних дел “О порядке переселения крестьян на свободные земли” (1868 г.).³⁷ Ситуация изменилась только на рубеже XIX-XX в., когда аграрные беспорядки на юге Европейской России стали внушать властям серьезные опасения.

Понимание русскости местные власти пытались расширить, включая в понятие “русские” не только великороссов, малороссов и белорусов, но и вообще все славянское население. Обосновывая свое предложение о переселении на Амур чехов, Муравьев-Амурский отмечал: “Славяне понимают Россию как родную им землю; они соединят свою пользу с пользою русского населения. Передадут свои познания в усовершенствованном хозяйстве, будут преданы общему благу нового их отечества. Славяне переселяются в другие страны, но везде они, подавляемые чуждыми элементами, привыкают с трудом, – в России же должно быть напротив”.³⁸ Известный славист А. Ф. Гильфердинг писал, что западные славяне будут на Амуре гораздо лучшими колонистами, чем немцы, которые останутся “чуждыми русскому народу” и неизвестно как себя поведут во время вражеского нашествия. “Славянин же, – утверждал он, – смотрит на Россию как на родную землю и охотнее поедет в русские владения, чем куда бы то ни было. Немец не скоро научится по-русски и будет всегда держать себя в исключительном положении; чех, морavec, словенец, словак через месяц заговорят по-русски, а детей их от русских вы не отличите.”³⁹ Но в деле с переселением “чехо-славян” политические опасения перевесили славянофильскую аргументацию, несмотря на положительное решение вопроса царем. Вспомнили о том, что чехи – католики, а недавние польские события показали,

³⁶ Там же. С. 382. О православной миссионерской деятельности на Амуре см.: Б. А. Исаченко. Православное миссионерство на Амуре во второй половине XIX в. // Вестник Амурского государственного университета. 2001. Вып. 12. С. 21-23.

³⁷ Очерки истории белорусов в Сибири в XIX – XX вв. Новосибирск, 2001. С. 60.

³⁸ Отчет по Восточной Сибири за 1860 г. // РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202. Л. 3.

³⁹ А. Ф. Гильфердинг. Мнение западных славян об Амуре и его колонизации // Амур. 1860. 28 июня. С. 373-374. В начале XX в. интерес к переселению проявляли черногорцы, см.: В. Б. Хлебникова. Черногорцы на русском Дальнем Востоке и в Китае // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII-XX вв. (К 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 80-82.

что, “несмотря на одноплеменность рас, католичество кладет непреодолимую преграду сближению”.⁴⁰

Приамурье и Приморье, по мере освоения их русскими, становятся все более привлекательными для корейцев и китайцев, породив новый для российской имперской политики “желтый вопрос”. На это указывало восстание так называемых манзовых китайцев в 1868 г., разбойные действия хунхузов, фактическая неподчиненность китайцев русской администрации и суду.⁴¹ Это стало новым мотивом для ускорения заселения Дальнего Востока “русским элементом”.⁴²

В Комитете Сибирской железной дороги пристально изучали опыт германизации польских провинций, европейской колонизации Северной Америки.⁴³ Прусский опыт насаждения германского элемента в польских провинциях стал своего рода “путеводною нитью” в переселенческой политике в Сибири.⁴⁴ Это прежде всего относилось к планам строительства школ и церквей вдоль железнодорожной магистрали. Председатель Комитета министров и вице-председатель Комитета Сибирской железной дороги Н. Х. Бунге в своем политическом завещании в 1895 г. указывал на русскую колонизацию как на способ, по примеру США и Германии, стереть племенные различия: “Ослабление расовых особенностей окраин может быть достигнуто только привлечением в окраину коренного русского населения, но и это средство может быть надежным только в том случае, если это привлеченное коренное население не усвоит себе языка, обычаев окраин, вместо того, чтобы туда принести свое”.⁴⁵ Поэтому нужно снять административные преграды движению крестьян за Урал, так как это может нанести ущерб “великой задаче ближайшего объединения наших Азиатских владений с Европейскою Россиею”.⁴⁶

Железные дороги, это новейшее орудие империализма конца XIX и начала XX в., должны были облегчить выполнение исторически традиционной колонизационной миссии русского народа. Транссибирская магистраль должна была стальной полосой сковать “наши великие азиатские владения с их раз-

⁴⁰ Приморский военный губернатор П.В. Казакевич – генерал-губернатору Восточной Сибири М. С. Корсакову (24 июня 1864 г.) // Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф. 87. Оп. 1. Д. 287. Лл. 25-31.

⁴¹ Всеподданнейшая записка генерал-губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова (19 дек. 1868 г.) // Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 400. Оп. 1. Д. 162. Л. 11.

⁴² Записка старшего советника Приморского областного правления Аносова “О заселении средствами правительства Южно-Уссурийского округа Приморской области Восточной Сибири” // Там же. Л. 114.

⁴³ А. Н. Куломзин. Пережитое // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1642. Оп. 1. Д. 190. Л. 53; Д. 191. Лл. 1-2.

⁴⁴ Там же. Д. 191. Л. 3.

⁴⁵ Н. Х. Бунге. Загробные заметки // Река времен (Книга истории и культуры). Москва, 1995. Кн. 1. С. 211.

⁴⁶ Россия. Комитет Сибирской железной дороги (Материалы). Б.м. [1895]. Т 1. Л. 290.

личными неисчерпаемыми ресурсами к центру Империи”.⁴⁷ Министр финансов С. Ю. Витте указывал на изменение геополитического пространства внутри самой империи, отмечая значение “великой колонизаторской способности русского народа, благодаря которой народ этот прошел всю Сибирь от Урала до Тихого океана, подчиняя все народности, но не возбуждая в них вражды, а собирая в одну общую семью народов России”. Именно русский крестьянин-переселенец, по его мнению, изменит цивилизационные границы империи: “Для русских людей пограничный столб, отделяющий их, как европейскую расу, от народов Азии, давно уже перенесен за Байкал – в степи Монголии. Со временем место его будет на конечном пункте Китайской Восточной железной дороги”.⁴⁸ С колонизацией Сибири Витте связывал не только экономические, но и политические задачи. Русское население Сибири и Дальнего Востока должно стать оплотом в “неминуемой борьбе с желтой расой”. Именно это население даст силы и средства для защиты “интересов империи”. Политический смысл крестьянской колонизации Витте разъяснял так: “Для того, чтобы в предстоящей в будущем (подчеркнуто Витте. – А. Р.) борьбе с желтой расой выйти победителями, нам надо создать на границах наших с Китаем оплот из русского населения, которое само в состоянии было бы выставить достаточную силу для защиты, как своего достоинства, так и интересов Империи. В противном случае вновь придется посылать войска из Европейской России, опять на оскудевший центр ляжет необходимость принять на себя всю тяжесть борьбы за окраины, вынести на своих плечах разрешение назревающих на Дальнем Востоке вопросов, а крестьянину черноземной полосы или западных губерний придется идти сражаться за чуждые, непонятные ему интересы отстоящих от него на тысячи верст областей”.⁴⁹ Континентальная концепция Витте основывалась на уверенности в способности крестьян-переселенцев создать на востоке империи прочный экономический и демографический тыл для российских морских торговых и военных портов.

После русско-японской войны 1904-1905 гг. на первое место в охранительных и военно-мобилизационных задачах вышла задача крестьянской колонизации, призванная сделать, по выражению будущего приамурского генерал-губернатора Н. Л. Гондатти, “Дальний Восток русским и только для русских”.⁵⁰ Член Государственного совета от правого центра А. Б. Нейдгард заявлял: “Русский пахарь и русская соха – вот единственный способ, которым можно избежать окитаивания нашей окраины”.⁵¹ Необходимо было не просто заселить край, но создать из русских переселенцев “крепкую колонию, способную

⁴⁷ Московские ведомости. 1891. 5 апр.

⁴⁸ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 711. Л. 41.

⁴⁹ Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 267. Лл. 8-9.

⁵⁰ Тобольский губернатор Н. Л. Гондатти – управляющему делами Совета министров Н. В. Плеве (1 марта 1908 г.) // Библиотека РГИА. Печ. зап. № 2487. С. 1.

вынести экономическую борьбу с сильными соседями и удержать за собой культурное первенство”. И это должно стать заботой всего русского общества, “народной исторической задачей... культурного завоевания края”. И эта задача на Дальнем Востоке виделась гораздо более сложной, нежели в Западной Сибири, подчеркивал будущий глава Временного правительства Г. Е. Львов, ибо там наш крестьянин уже “как дома, в своих стенах, а здесь, среди чужих, каждый шаг должен быть обдуман и взвешен”.⁵²

П. А. Столыпин в рамках концепции “единой и неделимой России” призывал крепче стянуть рельсами “державное могущество великой России”,⁵³ а главноуправляющий ГУЗиЗ А. В. Кривошеин целенаправленно стремился превратить Сибирь “из придатка исторической России в органическую часть становящейся евразийской географически, но русской по культуре Великой России”.⁵⁴ В интервью французской газете “Figaro” (4 февраля 1911 г.) он разъяснял: “Хотя крестьянин, переселяясь, ищет своей личной выгоды, он, несомненно, в то же время работает в пользу общих интересов империи”.⁵⁵

В связи с поездкой П. А. Столыпина в Сибирь в 1910 г. бывший чиновник Комитета Сибирской железной дороги И. И. Тхоржевский заметил: “По обе стороны Урала тянулась, конечно, одна и та же Россия, только в разные периоды ее заселения, как бы в разные геологические эпохи”.⁵⁶ И Столыпин

чувствовал целостность – военную и живую – всего того огромного и пестрого материка, которым была Россия. Тот же Алтай, как и Уссурийский край, связывался живыми человеческими узлами с далекой (и вовсе не самостоятельной – ни тогда, ни теперь) Украиной. Но надо было крепче стянуть – и рельсами! – державное могущество великой России. А для этого одной только Сибирской железной дороги было тогда уже недостаточно. Ведь к ее рельсам только и жалось, довольно узкой полоской, все наше переселение! Помню, как переселенческое управление, после передачи из министерства внутренних дел в министерство земледелия, полупушутя, полусерьезно, умоляло передать его в министерство путей сообщения: “Там – наше место”. Так тема земли – писал Тхоржевский, – связывалась со второй сибирской темой – железной дороги.⁵⁷

Действительно, П. А. Столыпин стремился включить в национальную политику охрану земель на востоке империи от захвата иностранцами, подчи-

⁵¹ Государственный совет. Стенографические отчеты. Сессия III. СПб., 1908. Заседание 30 мая 1908 г. С. 1440.

⁵² Г. Е. Львов. С Дальнего Востока. Переселение и колонизация // Русские ведомости. 1908. 18 сент.

⁵³ И. И. Тхоржевский. Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 190.

⁵⁴ К. А. Кривошеин. Александр Васильевич Кривошеин. Судьба российского реформатора. Москва, 1993. С. 131.

⁵⁵ Дальневосточное обозрение. 1911. Вып. I. С. 82.

⁵⁶ Тхоржевский И.И. Последний Петербург // Нева. 1991. № 9. С. 189.

⁵⁷ Там же. С. 190.

нить русской власти сопредельные с Китаем малонаселенные местности, “на тучном черноземе которых возможно было бы вырастить новые поколения здорового русского народа”. Это значение Сибири и Средней Азии как колыбели, где можно будет вырастить новую сильную Россию и с ее помощью подержать хиреющий русский корень, ясно сознавалось Столыпиным, утверждал один из его близких сотрудников С. Е. Крыжановский, и, оставаясь он у власти, “внимание правительства было бы приковано к этой первостепенной задаче”.⁵⁸

Оторванное от привычной социокультурной среды, оказавшись в неведомом краю, в иных природно-климатических условиях, вынужденное существенно скорректировать свои хозяйственные занятия, непосредственно соприкоснувшись с культурой Востока (непривычной и привлекательной), славянское население обостренно ощутило свою русскость, очищенную от местных особенностей, столь стойко сохраняемую на их бывшей родине. Параллельно с имперским административным строительством шел процесс символического присвоения новых территорий. Оказавшись вдали от родины, русские переселенцы, как и в европейских заокеанских колониях, спешили закрепить за собой новое пространство, обозначая его привычными именами православных святых, русских героев, а то и просто перенося старые названия на новые места (Новокиевки, Полтавки, Черниговки, Московки и т. п.).

В Сибири и на Дальнем Востоке шел активный процесс консолидации славянского (и не только славянского) населения в “большую русскую нацию”.⁵⁹ Украинцы и белорусы сохраняли довольно долго свой язык и черты бытовой культуры в условиях Сибири и Дальнего Востока. Оказавшись рассеянными (хотя и проживая часто отдельными поселениями) между выходцами из великорусских губерний, сибирскими старожилами и сибирскими и дальневосточными народами, поселяясь в значительной степени в городах, работая на золотых приисках и стройках, они были более восприимчивы к культурным заимствованиям и проявляли более высокий уровень этнической и конфессиональной толерантности, но, вместе с тем, демонстрировали большую, чем на исторической родине, приверженность идее общерусской идентичности. В отличие от Европейской России, где шел процесс формирования украинской и белорусской наций, вызывавший у петербургских властей политические опасения, в Азиатской России процессы стихийного культурного единения преобладали, что вполне устраивало имперскую администрацию. Как следствие, в правительственных взглядах на славянское население Сибири и Дальнего Востока преобладало индифферентное отношение к культурным различиям между

⁵⁸ С. Е. Крыжановский. Заметки русского консерватора // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 113.

⁵⁹ О проекте “большой русской нации” см.: А. И. Миллер. “Украинский вопрос” в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000. С. 31-41.

великороссами, украинцами и белорусами: поглощение последних русской нацией представлялось делом времени. До начала XX в. в Сибири три славянских народа в официальных документах нередко обозначали одним термином – русские. Приамурский генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер писал, что переселенцы для дальневосточных областей выбирались в основном из Малороссии и “ими предполагалось создать на месте стойкий кадр русских землепашцев, как оплот против распространения желтой расы”.⁶⁰

Вопросом о том, кто такие русские крестьяне Приамурья и к каким народностям они принадлежат, задались довольно поздно. Сотрудники Общеземской организации, обследовав в 1909 г. состав дальневосточного населения, установили, что в Амурской области основное ядро крестьянства составляют малороссы (40,6%). Другие наиболее значительные группы составляли: тамбовцы (10,3%), могилевцы (10,1%), забайкальские староверы – “семейские” (5,0%), сибиряки (4,1%), поволжане (3,0%)”. В Приморской области малороссов было еще больше – не менее 75%. “Коренного великорусского населения (а также раскольников Тамбовской губернии и Поволжья, староверов Забайкалья и Сибири) – очень мало. И без большой ошибки можно сказать, – заключали исследователи, – что Приморская область представляет вторую Украину со значительной примесью белорусов.”⁶¹ Примечательно, что при группировке населения не существовало единых критериев и этнические признаки смешивались с конфессиональными и региональными.

На сложность изучения этнической принадлежности славянского населения Дальнего Востока XIX в. указывает и исследователь фольклора Л. Е. Фетисова: “Региональное пространство бытовой культуры на юге Дальнего Востока вначале представляло “мозаичное панно” из локальных традиций переселенцев. Со временем происходила утрата прежнего этнического самосознания, замена его представлением о единой национальной принадлежности, то есть шел процесс вторичной консолидации восточных славян, но на бытовом уровне продолжал сохраняться культурный полиморфизм.”⁶²

Некоторые опасения украинизации российского Дальнего Востока, видимо, существовали. А. П. Георгиевский писал в этой связи: “Если поставить вопрос, какая из трех традиций – украинской, великорусской и белорусской, является наиболее сильной и устойчивой в Приморье, то на этот вопрос трудно определенно ответить”.⁶³ Он также отмечал, что великорусское культурное

⁶⁰ П. Ф. Унтербергер. Приамурский край. 1906-1910 гг. СПб., 1912. С. 4.

⁶¹ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на Дальнем Востоке сотрудниками Общеземской организации. Москва, 1909. С. 717-718.

⁶² Л. Е. Фетисова. Адаптационная роль фольклора в системе бытовой культуры первопоселенцев Приамурья и Приморья // Адаптация этнических мигрантов в Приморье в XX в. Владивосток, 2000. С. 27.

⁶³ А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке. Фольклорно-диалектологический очерк. Владивосток, 1929. С. 9. Всплеск национально-культурных запросов дальневосточных украинцев наблюдался уже после революции 1917 г.

влияние здесь менее заметно, нежели украинское. Но, как отмечает современный исследователь Ю. В. Аргудяева, в Приморье и Приамурье исторически предопределенно шел процесс слияния русских (кроме старообрядцев), украинцев и белорусов и формирования некоего субстрата культуры, с преобладанием русскоязычного населения.

К концу существования империи русские и украинцы составляли в Сибири и на Дальнем Востоке более 87 % населения. Однако их распределение по всей территории было неравномерным. В Приморье с 1858 по 1914 гг. прибыло 22.122 крестьянских семей, из них 70% были выходцы из Украины. В Южно-Уссурийском крае этот показатель достигал 81,3% от всех крестьян-переселенцев, тогда как русские составляли 8,3%, а белорусы – 6,8%. Современная же ситуация прямо противоположная: русские составляют 86,8% от числа жителей Приморья, украинцы – 8,2%, белорусы – 0,9%. При этом подчеркивалось, что русские сформировались здесь в значительной степени из обрусевших украинцев и белорусов.⁶⁴ Население украинских анклавов в Сибири и на Дальнем Востоке России быстро переходило на русский язык, а к 1930-м гг. в большинстве случаев сменило и свое этническое самосознание.⁶⁵

Кроме того, само славянское население Сибири и Дальнего Востока было сложным не только по этническому (русские, украинцы, белорусы) и конфессиональному (православные, старообрядцы, сектанты) признакам, но и по региональным характеристикам мест выселения. Обезжавший в 1896 г. переселенческие поселки Западной Сибири А. Н. Куломзин писал бывшему воспитателю Николая II генералу Г. Г. Даниловичу, что перед ним прошла своеобразная этнографическая выставка “представителей славянского племени и других племен, обитающих в России”.⁶⁶ К началу XX в. в Сибири сложилось пестрое по своему происхождению русское население: старожилы (“сибиряки”) и новоселы (“русское”, “русь”). Чаще всего переселенцев называли по губерниям их прежнего места жительства: “курщина”, “тамбовщина”, “рязанщина” и т. п.⁶⁷ Однако переезжавшие за Урал крестьяне формировали не только новые этнокультурные группы, определенные местами их прежнего проживания, этнической принадлежностью, конфессиональными различиями, но

⁶⁴ Ю. В. Аргудяева. Проблемы этнической истории восточных славян Приморья и Приамурья // Славяне на Дальнем Востоке: проблемы истории и культуры. Южно-Сахалинск, 1994. С. 19-21. Не случайно по данным социологических опросов, проведенных в 1997-1998 гг., русские Дальнего Востока лидируют среди других регионов России по числу людей, не знающих этнического происхождения своих предков. – Н. И. Кожевникова, Л. Л. Рыбаковский, Е. П. Сигарева. Русские: этническая гомогенность. Москва, 1998. С. 11.

⁶⁵ В. М. Кабузан. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1719-1989). Формирование этнических и политических границ русского народа. СПб., 1996. С. 210.

⁶⁶ А. Н. Куломзин. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 202. Л. 34.

⁶⁷ О. Н. Шелегина. Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири. Москва, 2002. Вып. 2. С. 20-21.

и создавали новую общность на основе общерусской культуры и идентичности.⁶⁸

Местные власти на окраинах нередко оказывались в ситуации, когда общегосударственная установка на распространение православной веры как важного имперского фактора входила в противоречие с колониационными задачами и стремлением “сделать край русским”. С православным миссионерством успешно конкурировала установка расширительного толкования русскости. Власти не могли не учитывать высокой степени устойчивости русских крестьян – старообрядцев и духов – к ассимиляции в иноэтнической среде, сохранения ими русскости при отдаленности от русских культурных центров.⁶⁹ Несмотря на то, что старообрядцы в результате многоэтапной миграции на Дальний Восток испытали этнокультурное влияние со стороны украинцев, поляков, белорусов, бурят, коми (зырян и пермяков), обских угров (ханты и манси) и других народов, они лучше всего сохранили традиционную культуру русских. Это обстоятельство не могло быть не замечено местными властями, которые, проявляя большую, нежели в центре страны, религиозную терпимость, активно использовали старообрядцев в колониационном закреплении восточных территорий за империей.⁷⁰ Генерал-губернатор П. Ф. Унтербергер писал в 1912 г.: “Староверы зарекомендовали себя здесь хорошими сельскими хозяевами и являются особо желательным элементом при заселении отдаленных и глухих местностей, прокладывая тем пути для следующих за ними других переселенцев”.⁷¹ Такую терпимость к приверженцам гонимой в Центральной России старой веры на дальневосточных землях проявляли не только представители местной администрации, но и некоторые иерархи Русской православной церкви. Важное значение придавал раскольникам, как наиболее дееспособному колониационному элементу, архиепископ Иннокентий.⁷²

⁶⁸ Русские в Омском Прииртышье (XVIII–XX века). Омск, 2002. С. 4.

⁶⁹ С. М. Дударенок, М. Б. Сердюк. Взаимоотношения религиозных конфессий и структур государственной власти на юге Дальнего Востока (1858–1917) // Исторический опыт открытия, заселения и освоения Приамурья и Приморья в XVII–XX вв. (К 350-летию начала похода В. Д. Пояркова на Амур). Владивосток, 1993. С. 122–124.

⁷⁰ На рубеже XIX–XX вв. существовал проект заселения старообрядцами и русскими сектантами соседней с Амурской областью территории Маньчжурии. После принятия законов о веротерпимости в 1905–1906 гг. на Дальний Восток переселилось около 3 тысяч австрийских и румынских старообрядцев. См.: Ю. В. Аргудяева. Старообрядцы на Дальнем Востоке России: этнокультурное развитие во второй половине XIX – начале XX в. / Диссертация в виде научного доклада на соискание степени д-ра ист. наук. Москва, 2002. С. 20–21.

⁷¹ П. Ф. Унтербергер. Приамурский край. 1906–1910 гг. СПб., 1912. С. 18.

⁷² И. П. Барсуков. Иннокентий, митрополит Московский и Коломенский. С. 394–395. Очевидно, это не было исключением в российской имперской политике. Схожий факт, имевший место на западной окраине империи, приводит Л. Е. Горизонтов: Л. Е. Горизонтов. Раскольничий клин. Польский вопрос и старообрядцы в имперской стратегии // Славянский альманах. 1997. Москва, 1998. С. 148.

Не без основания считается, что именно старообрядцы сыграли ведущую роль в формировании особого типа русского крестьянина на Амуре: “...державшие на самостоятельность мысли в религиозных вопросах, закаленные тяжелой школой борьбы за “оказательство” своих убеждений – староверы и, главным образом, сектанты-рационалисты (духоборы, баптисты, молокане) – явились полными силами “бойцами” против тяжелых природных условий новой страны и, в значительной степени, победили их. Они (подчеркнуто в тексте. – А.Р.) дали тон Амурской крестьянской жизни.”⁷³ И хотя правительство в своих заботах о подготовке базы для обороны и будущего имперского расширения и сектанты в своем стремлении найти свободу вероисповедания или лучшие условия для жизни шли разными путями и сторонились друг друга, но в их устремленности на восток было много общего. Принцип русскости на далекой окраине стоял выше стремления добиться церковного единства, отражая важные тенденции в формировании общерусской национальной идентичности.⁷⁴ В иерархии идентичностей конфессиональность здесь явно уступала национальному фактору.

Однако в Сибири и на Дальнем Востоке вставала новая угроза для империи – формирование у местного населения чувства территориальной обособленности, осознания своей непохожести и социально-экономической ущемленности в отношении между центром и окраинами, выстраивания иной, конкурирующей с “большой русской нацией”, сибирской региональной идентичности.⁷⁵

Поэтому мало было заселить край желательными для русской государственности колонистами, важно было укрепить имперское единство культурными скрепами. Выталкиваемый из Европейской России за Урал земельной теснотой и нищетой переселенец уносил с собой сложное чувство грусти по покинутым местам и откровенной неприязни к царившим на утраченной родине порядкам. В специальной записке о состоянии церковного дела в Сибири, подготовленной в конце XIX в. канцелярией Комитета министров, указывалось на необходимость объединения духовной жизни сибирской окраины и централь-

⁷³ Приамурье. Факты, цифры, наблюдения. Собраны на дальнем Востоке сотрудниками общеземской организации. Москва, 1909. С. 720.

⁷⁴ В 1896 г. раскольники составляли в Амурской области 10% населения, существенно меньше их было в Приморской области – 1%. См.: Е. А. Капанова. Государственная переселенческая политика и ее религиозная направленность на Дальнем Востоке // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Ч. 3. С. 559.

⁷⁵ См.: Н. М. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1892; С. Г. Сватиков. Россия и Сибирь (К истории сибирского областничества в XIX в.). Прага, 1930; А. Вуд. Сибирский регионализм: прошлое, настоящее, будущее? // Расы и народы. Вып. 24. Москва, 1998. С. 203–217; S. Watrous. The Regionalist Conception of Siberia, 1860 to 1920 // Between Heaven and Hell. The Myth of Siberia in Russian Culture. New York, 1993. Pp. 113–131; Н. В. Сверкунова. Региональная сибирская идентичность: опыт социологического исследования. СПб., 2002.

ных губерний “путем укрепления в этом крае православия, русской народности и гражданственности”. Постановка этой важной задачи, по мнению правительства, вызывалась сибирскими особенностями: определенным религиозным индифферентизмом сибиряков-старожилов, разнородным этноконфессиональным составом населения. Обер-прокурор Синода С. М. Лукьянов призывал создать на Дальнем Востоке тот внутренний уклад жизни, “который действительно придаст переселенцу облик русского человека”. Роль православной церкви для русского человека будет тем более велика, доказывал глава ведомства православного вероисповедания, что он здесь попадает в непривычные условия жизни, тоскует по покинутой родине и может попасть под влияние разного рода сектантов.⁷⁶ Существовало осознанное беспокойство по поводу культурного воздействия на российское население в Азии со стороны китайцев, корейцев, японцев, монголов и даже якутов и бурят, которые воспринимались как конкуренты российского имперского колонизационного проекта. Опасались, что, попав под влияние иностранцев и инородцев, переселяющиеся в край русские люди утратят привычные национальные черты, отдалятся от своей родины и потеряют чувство верноподданности. Современники сознавали культурно-цивилизационную слабость русского крестьянина как культуртрегера.⁷⁷ Задумывавшийся о задачах политики русификации в отношении инородцев А. И. Термен, послуживший в Туркестане, Забайкалье и Маньчжурии, понимал, что нужно принимать действенные меры не только для того, чтобы “выработать из вверенного ему материала надежно слитую с коренным элементом империи культурную единицу”,⁷⁸ но необходимо поднять нравственность самого русского народа на окраинах, повысить авторитет православной церкви и русской школы.

Чтобы остановить процесс отчуждения переселенцев от “старой” России и восстановить в “новой” России знакомые и понятные властям черты русского человека, необходимо было заняться целенаправленной культуртрегерской политикой. Сибиряк, утверждал А. Н. Куломзин, забыл свою историю, забыл родину и, живя несколько веков замкнутой зауральской жизнью, перестал считать себя российским человеком. Куломзин писал в мемуарах, что перед его внутренним взором “каким-то кошмаром” стояла мысль о том, что “в более или менее отдаленном будущем вся страна по ту сторону Енисея неизбежно образует особое отдельное от России государство”.⁷⁹ Это приводило зачастую

⁷⁶ С. М. Лукьянов – П. А. Столыпину (16 янв. 1910 г.) // Архив внешней политики Российской империи. Ф. Тихоокеанский стол. Оп. 487. Д. 762. Л. 177-6.

⁷⁷ W. Sunderland. The “Colonization Question”: Vision of Colonization in Late Imperial Russia // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 2000. Bd. 48. Ht. 2. P. 231. См. также: Idem. Russians into Yakuts? “Going Native” and Problems of Russian National Identity in the Siberian North, 1870s – 1914 // *Slavic Review*. 1996. No. 4. Pp. 806-825.

⁷⁸ А. И. Термен. Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. Пг., 1914. С. 2.

⁷⁹ А. Н. Куломзин. Пережитое // РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 204. Л. 107. Об опасениях сибирского сепаратизма см.: А. В. Ремнев. Призрак сепаратизма // *Родина*. 2000. № 5. С. 10-17.

к необоснованным поискам сибирского сепаратизма. Иркутский генерал-губернатор А. Д. Горемыкин выискивал и вычеркивал в газетных статьях слова “Сибирь и Россия”, заменяя их словами “Сибирь и Европейская Россия”, вместо “сибиряки” требовал писать “уроженцы Сибири”.⁸⁰ М. Н. Катков и К. П. Победоносцев неоднократно напоминали Александру III об опасности областнических настроений в Сибири и происках поляков.⁸¹

Впрочем, другой наблюдатель, Фритьоф Нансен, рассуждая о возможности сибирского сепаратизма, оценивал его скептически. Напротив, утверждал он, сибиряки – это не ирландцы, добывающиеся гомруля, они никогда не забудут того, что они русские, и будут всегда противопоставлять себя азиатским народностям. Отвергал Нансен и опасение, что азиатские владения Российской империи вытягивают лучшие силы из центра страны, понижая тем самым ее экономический и культурный уровень. В отличие от испанских, португальских и британских колоний, Сибирь представляет, по его мнению, “в сущности естественное продолжение России, и ее надо рассматривать не как колонию, а как часть той же родины, которая может дать в своих необозримых степях приют многим миллионам славян.”⁸²

Осознание экономического и культурного своеобразия Сибири, раздражение сибиряков, вызванное несправедливым отношением к ним столичных властей, создавало в сибирском обществе атмосферу отчуждения от Европейской России и общего недовольства, на которой и мог произрасти сибирский сепаратизм. Несмотря на многочисленные факты и свидетельства сепаратистских настроений, правительственных страхов и настойчивых поисков борцов за сибирскую независимость (или автономию), это неприятие существовавшего приниженного положения так и не переросло в реальную опасность утраты Россией Сибири.

Массовое переселенческое движение начала XX в., породившее напряженность в отношениях сибирских старожилов и новоселов, в известной степени сняло остроту опасности формирования сибирской идентичности и регионального патриотизма. В Сибири и на Дальнем Востоке все еще не доставало интеллектуалов, способных пропагандировать в массах идеи сибирской автономии, было мало высших и средних учебных заведений, местных культурных центров, а также региональных демократических институтов (не было даже земских органов), вокруг которых мог бы сфокусироваться сибирский патриотизм, перерастая во влиятельную политическую силу, способную, как это случилось в Австралии или Канаде, возглавить движение за независимое государство-нацию. Переселенческие общества внутренней Сибири и Дальнего Востока России в XIX – начале XX в. имели низкие показатели этнической конф-

⁸⁰ И. И. Попов. Забытые иркутские страницы. Записки редактора. Иркутск, 1989. С. 59; С. Г. Сватиков. Россия и Сибирь. Прага, 1930. С. 78.

⁸¹ Дневник государственного секретаря А. А. Половцова. Т. I. Москва, 1966. С. 380, 534.

⁸² Ф. Нансен. Страна будущего // *Дальний Восток*. 1994. № 4/5. С. 185.

ликтности, с тенденцией ее возрастания на фронтальной периферии: на юге Западной Сибири (“киргизский вопрос”) и юге Дальнего Востока (“желтый вопрос”).⁸³ Хотя Российская империя, а затем и СССР рухнули, однако, как отмечает Д. Ливен, новой России удалось вобрать в себя и поглотить в своем “материнском лоне” жемчужину своей имперской короны – Сибирь, и благодаря этому остаться великой державой (чего не удалось ни Турции, ни Австрии, ни даже Англии и Франции).⁸⁴ В основном это произошло благодаря русским крестьянам-переселенцам, которые не только скрепили огромное имперское пространство, но и обеспечили перспективу национального строительства России.

⁸³ А. Куприянов. Великороссия и Сибирь – материк этнического спокойствия в море имперской конфликтности (1881-1904 гг.) // Новый мир истории России. Форум японских и российских исследователей. Москва, 2001. С. 122-135; В. И. Дятлов. Современные торговые меньшинства: фактор стабильности или конфликта? Москва, 2000 (Глава 2 “Китайская диаспора и дискуссии о “желтой опасности” в дореволюционной России”).

⁸⁴ Д. Ливен. Россия как империя: сравнительная перспектива // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. Москва, 1999. С. 273.